

НО БУДЕМ МЫ СЧИТАТЬ КОНЕЦ СЧАСТЛИВЫМ...

Как ни печально сознавать, но финал IV фестиваля «Театр без границ» близится неумолимо. До того момента, когда жюри назовет наконец лучшие из лучших спектаклей-участников, остается всего ничего — один день и один вечер. И тем острее чувство некоей неудовлетворенности возлагающихся на этот праздник надежд: почти все, что имело успех, было вполне предсказуемо, а то, что оказалось непредсказуемым, имело вполне объяснимые причины...

Так уж сложилось, что основные открытия в ходе фестиваля всегда происходили на его «малой сцене». Исключением был, пожалуй, лишь «Театр без границ» 97-го года, во время которого дерзость экс-

периментальных работ проявилась в основном в спектаклях полномасштабных, для которых габариты «малых» подмостков были попросту неприемлемы. Нынешний фестиваль начал по-

тихоньку возвращаться к былой традиции: открывал имена в обстановке интимности камерных спектаклей. Конечно, работу актера Красноярского краевого драматического театра им. А. С. Пушкина Владимира Пузанова — моноспектакль по М. Булгакову «Театральный роман» — рано называть совершенной. Однако в том, что его автор и исполнитель — личность не только рискованная (отважиться держать внимание зала в одиночку в течение 2-х часов способен не каждый), но и незаурядная, думаю, со мной согласятся многие из присутствовавших в тот день в зрительном зале театра «Буратино». О мерцающей в нем «искре Божьей» говорит уже то, что не запомнить сценических героев Пузанова просто невозможно (на прошлом фестивале вместе с артистами того же Красноярского краевого театра он участвовал в спектакле по письмам и произведениям Н. В. Гоголя «...Странная земля Испания»). И это при отсутствии эффектной артистической внешности, когда одаренность «читается» во взгляде, руках, особой, только истинным актерам присущей манере смотреть на окружающий мир.

Скорее всего, герой, представленный постановщиком в моноспектакле «Театральный роман», — человек, умеющий взглянуть на собственные мытарства вполне реалистически и самоиронично, вряд ли был бы способен покончить жизнь самоубийством, как повествует о том Булгаков. Но здесь уже уместнее говорить о недостатках режиссуры инсценировки, позволившей, впрочем, проявиться замечательному дару Пузанова-актера. А это, согласитесь, для участника фестиваля не так уж и мало...

Мысль о том, что театр — явление абсолютно непрогнозируемое, не нова и не раз проверена на практике. Причем дело может быть вовсе не в «чужих стенах» или «незнакомой публике». Природа театра слишком зависима от самых «ничтожных» на первый взгляд вещей. Впрочем, если говорить о фатальном невезении, выпавшем на нынешнем фестивале на долю коллектива театра куклы и актера «Буратино»: во время показа многострадальной премьеры «Майская ночь перед Рождеством», оно, скажу без обиняков, было вольно или невольно спровоцировано той позицией, которую заняло на сегодня по отношению к театру городское руководство.

Для любого творческого коллектива нет ничего хуже состояния неопределенности. А фантастически работоспособная и жизнелюбивая труппа именно в канун фестиваля оказалась втянута в противостоящую борьбу за собственное право сохраниться как коллектив вообще. Не вдаваясь в подробности этого внезапно всплывшего на поверхность противостояния актеров и дирекции театра, скажу одно: я с готовностью поверила бы в искреннее стремление городских властей оградить «Буратино» от возможных последствий «необдуманного» решения о назначении главным режиссером театра Игоря Ларина, если бы... Если бы Игорь Ларин (творческую манеру которого можно любить или, не понимая, отвергать, но остаться равнодушным к его постановкам попросту невозможно) в течение тех 4-х лет, которые длился его творческое сотрудничество с Магнитогорским театром куклы и актера, на деле не доказал собственного желания и умения работать на благо «буратиновцев». Вспомните, именно ему удалось после нескольких лет затишья возродить утраченный было интерес зрителя к премьерам театра, на которые ныне, если в афише стоит магическое имя петербургского актера и режиссера, в зал набивается столько народу, сколько давно не снилось иным титулованным «асам».

Я поверила бы безоглядно в «бузотерство» и меркантильность труппы, которые попытались приписать ей в те дни, когда параллельно с «Майской ночью» шла подготовка независимого проекта «Дорога в Магнитку», если бы мне лично не доводилось сидеть в неотопляемом бело-мраморном фойе нового театрального здания (зачем столько холодного камня в доме, где должны согреваться сердца и оттаивать души, ума не приложу!) и наблюдать, как полузамерзшие, но жутко счастливые своей причастностью к чему-то светлому и великому эти «скандалисты» и «любители беспорядков» репетировали отрывки из пьес 30-40-х, вошедших в сценарий необычной постановки. Да за ту зарплату, что получают в провинциальных театрах, ни один чиновник

не согласился бы поставить и махонькой закорючки под самым ничтожным документом, не то что работать в здании с недомонтированной свето- и звукотехнической аппаратурой! А они, отретпировав на родной сцене плановую премьеру (средства на которую, кстати, сами собирали весной с помощью театральных капустников), отправлялись затем на левый берег, чтобы там уже на сцене ДКиТ металлургов репетировать спектакль «внеплановый». Какие еще доказательства редчайшего взаимопонимания труппы и режиссера нужны тем, от кого зависит решение дальнейшей судьбы театра?..

Впрочем, есть у меня и еще один аргумент моего скептического отношения к мотивируемому исключительно благими целями осторожному отношению городской власти к окончательному разрешению конфликта. Три года назад с позволения все той же власти в городе был создан весьма странный Магнитогорский музыкальный театр, скоропалительно переименованный затем в Театр оперы и балета. Тогда при назначении художественного руководителя (а без ведома главы города оно немислимо) мэру не потребовались ни профессиональные характеристики единственной кандидатуры на эту должность, ни конкретные ее достижения в области театрального искусства. Впрочем, отсутствие последних никого не волнует и поныне. Так что лукавит Виктор Георгиевич, ох как лукавит! Никакой ответственности за свои опрометчивые решения по части процветания театрального искусства в городе Магнитогорске мэрия не несет и нести не собирается.

Потому что на те деньги, что были пущены за эти годы на постановки, абсолютно ничего общего не имеющие с подлинной культурой оперных спектаклей, тот же «Буратино» умудрился бы создать десяток, а то и два, новых интересных работ, не выходя к публике с протянутой рукой и просьбой о помощи и поддержке. Но именно зритель и поддержал, как мог, в трудную минуту любимых «буратиновцев». И успех театра на нынешнем фестивале он ему обязательно простит и очень скоро забудет. А то и попросту не заметит. Потому что недостатки «Майской ночи», отмеченные критикой, вполне устранимы. Потому что той же критикой в ходе обсуждения было замечено, что «Буратино» еще в стародавние времена умел не только гениально «проваливаться», но потом не менее гениально играть триумфальные премьеры. И еще потому, что текст роли, в волнении забытый во время ответственного выступления артистом — отнюдь не показатель его профессиональной квалификации. Он показатель того отношения к театру и его проблемам, которое позволяют себе те, чей прямой обязанностью является их решение...

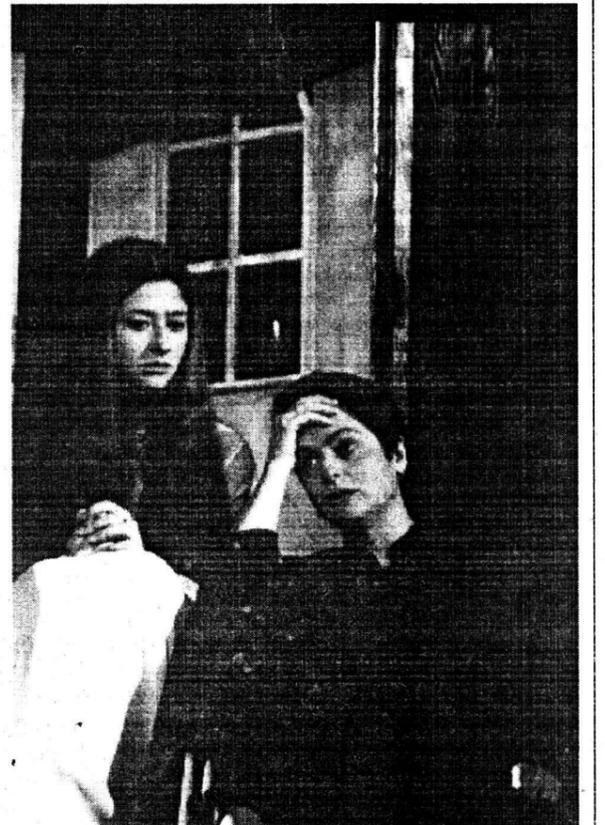
Хотя, в принципе, успех и неуспех спектакля у критики еще не гарантирует ему теплого приема у зрителя. Критика

тоже иногда склонна лукавить, приписывая спектаклю то, что ей хотелось бы в нем увидеть. Особенно, если речь идет о работе «хозяев» фестиваля. Честно говоря, очень мудрое решение было принято в свое время председателем оргкомитета «Театра без границ» — директором Магнитогорского драматического театра В. А. Досаевым. Заключается оно в том, что магнитогорцы играют свои спектакли на фестивале вне конкурса. Чтобы ни у кого из гостей и тени подозрения в сговоре с жюри не возникло. А ведь случиться такое могло бы, если б в одну из официальных номинаций нынешнего «Театра без границ» вывели-таки спектакль «Кто боится Вирджинии Вульф». Критика, к изумлению обычного зрителя, обнаружила в этой постановке столько «скрытых смыслов», сколько не снилось, наверное, даже самому Эдварду Олби (драматургу, кстати, действительно психологически тонкому и замечательному). Но режиссура магнитогорской версии, к сожалению, далеко не так внятна, как попыталось представить ее во время разбора жюри, — публика-«дура» со спектакля уходит, досидев в лучшем случае до третьего действия.

И дело вовсе не в философской перегруженности пьесы. Талантливую постановку невозможно дискредитировать в глазах зрителя никакими средствами. Пример тому — еще один спектакль Новосибирского молодежного театра «Глобус»: «Вид в Гельдерланде» в постановке московского режиссера Клина (Владимира Клименко). Первое его действие завораживает наполненностью светом и воздухом пространства, в котором обитают прекрасная возлюбленная Зевса — царица Данаэ и ее служанка Фрина. Первая живет ожиданием любовника, дерзнувшего однажды сойти в ее башню в виде золотого дождя и навсегда покорившего сердце юной царевны. Для второй героини любовь давно уже стала чем-то земным, ибо ей не дано стать Избранной... Действующие лица этого фантастически-реального мира плывут и исчезают, появляясь вновь во втором акте, когда перед зрителем разыгрывается уже совсем иная история, переносщая нас в век двадцатый, в котором женщины любят и страдают не меньше своих давних предшественниц. И кому-то из них так же, как и много веков назад, удается стать Избранницами божественной любви, а кому-то суждено лелеять в сердце лишь иллюзию всепо-

глощающего и вечного как мир великого чувства...

Спектакль новосибирцев, при всей насыщен-

ности и перенасыщенности смыслом любой из реплик и мизансцен, покоряет сразу и навсегда. И никаких «скрытых смыслов» и «подтекстов» в нем объяснять не требуется. Истинное искусство в комментариях не нуждается, потому что пленяет не логикой, а чувствами, воспитанием которых во все времена занимался Театр.

Но кроме того, хочу заметить: новосибирцев отличает высокая культура отношения к зрителю. И это чувствуется во всем — в эстетике спектаклей, в актерском мастерстве, наконец, в изумительной рекламной продукции театра (от афиш и буклетов до программ к спектаклям), призванной заинтересовать, увлечь, воспитать то, что называется любовью к прекрасному. «Глобус» не снисходит до пошлости, чтобы объяснить нам, замордованным грубостью жизни, великие истины. Он протягивает зрителю руку, чтобы повести за собой, возвысив над суетностью мира. И в этом смысле встреча с новосибирцами, думаю, для многих из нас была по-настоящему счастливым открытием IV фестиваля!..

Завтра жюри назовет победителей. Но кто бы ими не стал и кто бы, по разным причинам, в победители не вышел, праздник в Магнитке все-таки состоялся. И замечательно то, что когда-то, 6 лет назад, родилась в городе эта идея. И замечательно то, что, невзирая ни на какие сложности, продолжение у нее было, есть и, хочется надеяться, будет. При любой погоде! При любых жизненных невзгодах! В любом случае!..